

INSPIRIA

ХИДЭО ЁКОЯМА

ПОЛУПРИЗНАНИЕ

ЛУЧШИЙ ЯПОНСКИЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН
2003 ГОДА

推
理

Продано 1 500 000 экземпляров книги

 INSPIRIA

Хидэо Ёкояма
Полупризнание
Серия «Ток. Национальный
бестселлер. Япония»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63107242

*Х. Ёкояма. Полупризнание: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-113367-2*

Аннотация

Абсолютный бестселлер в Японии.

Продано 1 500 000 экземпляров книги.

Лучший японский детективный роман 2003 года.

На основе романа снят лучший фильм 2005 года по версии Японской киноакадемии.

Убийца признался. Все улики налицо. Но расследование только начинается...

Скандал?.. Позор?.. Катастрофа?.. Нет, все еще хуже. Инспектор японской полиции совершил убийство – задушил свою жену, причем по ее собственной просьбе. При этом сам не покончил жизнь самоубийством, чтобы спасти свою честь, а совершил явку с повинной. В Стране Восходящего солнца такое невозможно представить. Поэтому и полиция, и прокуратура,

и суд стремятся как можно скорее закрыть это токсичное дело и хоть как-то сохранить лицо. В конце концов, все ясно – преступник сознался, улики более чем достаточно...

Но есть одно важное «но». Между убийством и явкой с повинной прошло целых два дня, о которых преступник наотрез отказывается говорить. При этом выяснилось, что он, оставив тело жены, куда-то уезжал. Куда и зачем? Что происходило в это время? Что скрывает убийца? На эти вопросы пытаются ответить шесть человек: следователь, прокурор, адвокат, журналист, судья и тюремный надзиратель...

«Ёкояма – настоящий мастер». – The New York Times Book Review

«Проза Ёкоямы кристально ясна; сюжет... абсолютно правдоподобен и убедителен». – Bookpage

«Ёкояма обладает той неуловимой чертой, которая отличает первоклассного романиста: умением сразу привлечь внимание читателей и уже больше не отпускать его». – The Washington Post

Содержание

Сики Кадзумаса	6
1	6
2	16
3	23
4	31
5	37
6	42
7	51
8	59
9	62
10	65
11	70
12	75
Сасэ Морио	78
1	78
2	87
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Хидэо Ёкояма

Полупризнание

Hideo Yokoyama

Han'ochi

© 2005 Hideo Yokoyama. All rights reserved

© Лазарева Д. С., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Сики Кадзумаса

1

Чайнка всплыла на поверхность¹.

Он не суеверен, но это, безусловно, было неплохим знаком. Настенные часы, висевшие рядом с камидана², показывали 5.40. Уже скоро. С рассветом, с ордером на арест в кармане, в квартиру 508 в жилом доме Кобаяси ворвется следователь по расследованию особо важных дел. За дверью – маньяк, изнасиловавший восемь девочек, учениц начальной школы. За два месяца, прошедших с получения первого обращения в полицию, для поимки одной-единственной «рыбы» была расставлена гигантская сеть, состоящая из трех тысяч сыщиков.

– Все должно получиться.

Сики Кадзумаса залпом выпил остывший чай вместе с плавающей в нем чайнкой. Он был старшим следователем по

¹ Если одна из чайнок стоит в вертикальном положении, плавая вверху чайной чашки, это признак удачи и везения, поскольку для японцев это довольно редкое зрелище.

² Камидана – небольшое синтоистское святилище, устанавливается в домах или в офисах. Обычно служит для молитвенных целей и для жертвенных подношений богам.

особо важным делам первого отдела расследований главного полицейского управления префектуры. 48-летний сыщик весной получил повышение, и если б не это, то сидел бы он теперь затаив дыхание вместе со всеми в припаркованном недалеко от дома автомобиле. А так – вынужден нетерпеливо ожидать новостей от подчиненных, торча в одиночестве в мертвой тишине кабинета.

5.50... Сики бросил взгляд на телефон. Он заранее придвинул его совсем близко, чтобы, не тянувшись, сразу схватить трубку. До тех пор пока не услышит голос Каматы, стоящего во главе группы, отправившейся на задержание, он не выйдет даже в туалет. За окном еще темно. Подножие гор уже окрасилось в бледно-оранжевый цвет, но до рассвета, когда будет дан сигнал о начале захвата, еще далеко. Как же невыносимо ждать! Неужели Земля настолько медленно вращается вокруг своей оси?

Сики закурил. Вверх энергично поползли голубоватые струйки дыма.

Оторванная десятилетней девочкой пуговица с рубашки поло... Оставшиеся на пуговице незначительные следы краски... На то, чтобы эта узенькая полоска привела к преподавателю изобразительного искусства в университете ускоренного цикла³, ушло 62 дня. Такано Мицугу. 29 лет. Холост.

³ Танки дайгаку (досл. краткосрочный университет) – университет ускоренного цикла, где срок обучения составляет 2 года. Учащиеся, больше половины которых составляют девушки, специализируются на таких направлениях, как экономика, литература, иностранные языки, педагогика, социальная защита.

У Сики имелась его фотография. Маловыразительное лицо. Третий сын в большой зажиточной деревенской семье, что давало возможность не задумываться о пропитании и жить, прикидываясь художником.

– Сегодня решающий день.

Сики посмотрел на настенные часы и тут же перевел взгляд на наручные. И те и другие показывали 6.07.

Вошли уже? Он представил себе, что происходит там в этот самый момент, и напряжение пронизало все его тело. Волнение было сильнее, чем то, что он чувствовал, когда сам лично участвовал в задержании. Сики закурил вторую сигарету. Рассвет. Хотя за окном еще довольно темно. 6.10. Наверное, уже вошли...

Он не сводил взгляда с телефона. Ну же! Зазвони!

– Господин старший следователь!

Раздавшийся голос заставил его обернуться. В дверном проеме комнаты дежурного, находящейся в самой глубине просторного отдела, возникло мальчишеское лицо полицейского Цутикуры из подразделения, занимающегося кражами. В отличие от дежурного на входе в полицейское управление, Цутикура оставался в отделе на случай ночных происшествий.

– В чем дело?

– Вам звонят, – в ответ на рык Сики громче обычного произнес Цутикура.

– Переключи!

Сики в ярости щелкнул языком. Он же сказал Камате звонить напрямую. Потушив сигарету и сжав трубку внутреннего телефона, замер в ожидании. Раздался звонок, и трубка завибрировала. Он схватил трубку.

– Сики.

– Прошу прощения за ранний звонок.

Это не был голос Каматы.

– Говорит Исидзака из центрального управления. У нас неприятность...

Звонил начальник дежурной смены центрального управления, находящегося в подчинении полицейского управления префектуры. Голос был ужасно напряжен.

– Что случилось? – спросил Сики, не сводя взгляда с прямого телефона.

– Заместитель начальника учебного отдела, инспектор Кадзи, только что совершил явку с повинной.

Это еще что за дела?

– И в чем он признался?

– Убийство. Говорит, что убил свою жену.

Сики почувствовал, как от уха, к которому была прижата трубка, к затылку побежали мурашки.

Кадзи Соитиро. Он тут же вспомнил его лицо и имя. Инструктор, каллиграф. Добродушный. Серьезный. В голове стрелой пронеслись отрывочные сведения и впечатления о нем. Несколько лет назад от болезни умер его единственный сын. На службе на один год больше, чем Сики. И он служил в

том же главном управлении. Хотя они никогда не общались – при встрече в коридорах или на лестнице лишь приветствовали друг друга кивком головы...

И этот человек убил свою жену?

Прошло несколько секунд, прежде чем Сики заговорил:

– Это точно он?

– Да. Мне тоже хорошо знакомо его лицо.

– Что он сказал?

– Что задушил тяжелобольную жену.

Тяжелобольную?.. Сики не слышал о том, что жена Кадзи болела. Но ведь, хотя они и работали в одном управлении, постоянно находившийся «в поле» Сики и давно уже преподававший в полицейской школе Кадзи жили в разных мирах. Поэтому не было ничего удивительного в том, что до Сики не дошли подробности его личной жизни.

– Начальник уголовного отдела в курсе?

– Да, мы связались с ним. Он едет. А... что нам делать сейчас? – В голосе Исидзаки слышалась растерянность.

– Отведи его в какую-нибудь допросную. Обязательно поставь двоих рядом. И пусть глаз не спускают!

Вряд ли он решит сбежать, но в то же время нельзя исключать вероятность того, что может выпрыгнуть из окна. Болезнь отняла у него сына, теперь он собственными руками задушил жену... И, несмотря на явку с повинной, невозможно даже представить, какая пустота царит в его душе.

– Я правильно понял, что арестовывать его не надо?

– Дождитесь начальника отдела и, после того как проведете освидетельствование трупа, запускайте процедуру ареста. Когда все будет закончено, доложите мне.

– Я понял. Большое спасибо, – с облегчением произнес Исидзака и повесил трубку.

Будучи начальником отдела транспортной полиции, он не сталкивался с подобными происшествиями. Как же он, наверное, растерялся! С другой стороны, любой растерялся бы, узнав, что полицейский убил собственную жену. К тому же явился с повинной не кто-нибудь, а инспектор полиции, относящийся к руководству уважаемого полицейского управления префектуры... Журналисты устроят переполох. Управление заштормит.

Сики снова ощутил дрожь в теле.

– Цутикура!

Не успел он крикнуть, как увидел перед собой мальчишеское лицо вытянувшегося в струнку полицейского.

– Если я не ошибаюсь, ты учился у Кадзи, так?

– Так точно.

– Каким он был преподавателем?

– Добрым.

– Добрым? Разве бывают такие преподаватели?

– Помощник полицейского инспектора Сато был строг. А инструктор Кадзи – очень душевный человек, все мы очень любили его.

– Что он вам говорил?

– Ну например... Если вас вызвали на помощь при крушении поезда с большим количеством погибших и раненых, вам нужно обращаться с останками так, будто это ваши братья или сестры.

– Понятно. Можешь идти.

Да, действительно, Кадзи производил впечатление настоящего мужчины. Однако как же получилось, что такой мягкий, добрый, сострадающий человек убил жену, пусть даже и тяжелобольную? Может быть, причина в его характере? Сики переполняли сомнения, но, с другой стороны, душевное напряжение определенно стало ослабевать.

Нечего и сравнивать. Если рассуждать с позиции старшего следователя, под чьим началом находятся три следователя по особо опасным делам, то убийство жены Кадзи Соитиро было всего лишь происшествием, закончившимся явкой с повинной. Признав свою вину, он уже находится в руках полиции. А безжалостный маньяк, который среди бела дня врывается в дома и насиловал девочек, оставшихся дома одних, надев на них игрушечные наручники, все еще на свободе. До тех пор пока Камата не позвонит, нельзя думать о Такано Мицугу как об арестованном.

Сики посмотрел на часы.

6.28. Слишком поздно. Небо уже, наверное, синеватое...

Бросая злобные взгляды на городской телефон, Сики по внутренней линии связался со служебной квартирой начальника первого отдела расследований Ононоги. Выслушав со-

общение о явке с повинной Кадзи, тот некоторое время молчал.

– Понял. Я сам доложу начальству. Так, а что с художником?

– Информации пока нет. Должна быть с минуты на минуту, – с надеждой в голосе произнес Сики и повесил трубку.

Одновременно он посмотрел на часы. 6.35. Невольно стукнул кулаком по столу.

– Где они, черт возьми?

Мысль о том, что что-то пошло не так, не давала ему покоя. Сбежал? Это невозможно. За дверью в квартиру Такано и всеми окнами велось круглосуточное наблюдение в бинокль. Может, позвонить Камате на сотовый? Нет, было решено выключить телефон на рассвете и не выходить на связь вплоть до захвата... Сики не находил себе места. Рука его потянулась ко второй сигарете.

Раздавшийся звонок пронзил тишину. Городской.

Кадзумаса выдохнул и взял трубку.

– Он обманул нас!

Голос Каматы ударил по барабанным перепонкам. В это самое мгновение мысль о чайнке улетучилась.

– Выпил ядохимикат! Мы стучали, но он не отвечал. Когда ворвались внутрь, он корчился от боли на кухне!

Неужели чувствовал слезку?

– Он что, заметил вас?

– Не знаю.

– Какой химикат?

– Паракват.

Сильнодействующий гербицид. Сики почувствовал, как бледнеет.

– Концентрат?

– Похоже на то. Там валялась старая бутылка. Неизвестно, сколько он выпил...

– Дайте ему соляной раствор и вызовите рвоту! И пусть выпьет побольше.

– Мы сейчас этим и заняты.

– После того как вызовете рвоту, отвезите его в больницу Кумано. Ты понял?

Если делать промывание желудка, то только там. В Кумано также есть все необходимое оборудование для гемодиализа. К тому же близко к дому...

Однако паракват – довольно серьезная вещь. Попадая в кровоток, он поражает внутренние органы один за другим. И если количество его велико, ни промывание желудка, ни гемодиализ не помогут. Когда и сколько примерно он выпил?

– Черт!

Сики пнул ногой мусорную корзину.

За совершенные преступления Такано заслуживает смерти. Если б сейчас родители девочек оказались в квартире 508, они наверняка желали бы ему умереть в муках. У Сики тоже есть дочь, поэтому он чувствует то же самое. Но тем не менее нельзя позволить Такано так просто умереть. В по-

следнее время подобные типы – совсем не редкость. Они совершают зверские преступления, а потом, будучи чрезмерно самовлюбленными, сбегают в безопасное место под названием «смерть», сопровождая это истеричными воплями, что должны искупить свою вину и больше не в состоянии жить. Это недопустимо. Дать ему умереть?.. Нет, нужно схватить его живым и опозорить перед всем миром!

– Господин старший следователь, приехала «Скорая помощь». Мы выезжаем!

– Понял. Я тоже поеду в больницу.

Сики повесил трубку, и тут же опять раздался звонок.

– В чем дело?

– Говорит Кагами.

На мгновение он оцепенел.

Высшее начальство. Кагами Ясухиро, начальник главного полицейского управления префектуры.

– Срочно приходи в мой кабинет. Тебе поручается расследование дела инспектора Кадзи.

2

На втором этаже располагались все подразделения административного департамента. Сики, обитавшему на пятом этаже, редко доводилось ходить по этим коридорам. А уж в кабинете начальника главного управления он был лишь однажды, сразу после своего повышения.

Но Сики не чувствовал волнения. С каждым следующим шагом его все больше переполнял гнев. Почему нужно было срывать его с расследования? Конечно, новое дело очень серьезное, но Кадзи Соитиро находится под строгим надзором в центральном управлении, поэтому вероятность побега или самоубийства исключена.

– Разрешите войти?

Сики вошел в кабинет. Поднявшись с роскошного кожаного дивана, его приветствовали трое. Верхушка полицейского управления префектуры. Начальник главного управления Кагами, глава административного департамента Иё, глава уголовного департамента Ивамура... Кагами и Иё были чиновниками из Национального полицейского агентства, и, возможно, по этой причине в их присутствии местный старожил Ивамура держался не так свободно, как обычно.

У всех троих, включая Ивамуру, были напряженные лица. А у только что перешагнувшего сорокалетний рубеж Кагами – даже трагическое.

– Вы же близко общались с Кадзи? – спросил Иё.

– Да нет. Я всего лишь слышал его имя и знал, как он выглядит, но личных контактов у нас не было.

– Это даже лучше.

Опустив мясистый подбородок, Иё придвинул к Кадзума-се лежащую на столе толстую папку. Личное дело Кадзи. На первой странице – краткая биография. 49 лет. Срок службы в полиции – 31 год. В послужном списке – полицейские участки, несколько подведомственных учреждений. Затем в течение 4 лет был помощником инструктора в школе полиции, 5 лет – в должности инструктора. С весны прошлого года – заместитель начальника учебного отдела. Нет ни поощрений, ни взысканий. Родители умерли. Владеет домом. Живет вдвоем с женой Кэйко.

– Времени нет. Быстро просмотри – и иди в центральное управление, начинай расследование.

«Подождите-ка. Я вообще-то не в вашем подчинении», – хотелось сказать Сики.

Потупив взгляд, он посмотрел на Ивamuру. Тот закрыл глаза.

– Но...

Сики только начал говорить, как Иё раздраженно перебил его:

– Ах да, я слышал. То дело передай кому-нибудь. В данный момент в приоритете дело Кадзи. А в расследованиях тебе ведь равных нет, так?

Сики опять украдкой взглянул на Ивamuру. Глаза того по-прежнему были закрыты.

Действительно, Сики – прирожденный следак. Еще когда он был помощником, его часто называли «Сики, добивающийся признания». Но ведь Кадзи, убив жену, явился с повинной. И мотив очевиден. Другими словами, он уже во всем признался. Поэтому нет никаких причин специально отправлять Сики разбираться с этим делом, когда он занят другим.

– В центральном управлении тоже есть опытные следователи, – произнес Сики.

– Что? Поручить это им? – Иё вытаращил глаза. – Ты вообще понимаешь, что это за дело? Полицейский убил собственную жену!

– Понимаю, но мое нынешнее дело тоже...

– Да, мне доложили о нем. В чем проблема? Этот учитель рисования выпил ядохимикат до прихода группы задержания, так?

– Да.

– В таком случае все нормально. Если б он выпил его после того, как группа ворвалась в дом, то вину повесили бы на нас.

Вот оно что. Оказывается, такой у него подход...

Слухи оказались верны: этот человек в первую очередь беспокоится о своем самосохранении. И все, что он говорит, действует на нервы. Каждый раз, когда этот чужак-карьерист, который и до трупа-то ни разу не дотрагивался, за-

являет «мы», ставя себя в один ряд с уголовным отделом, начинает колотить в висках.

Сики бросил злобный взгляд на Ивамуру. Почему он позволяет принимать решения далекому от расследования главе административного департамента?

Как будто услышав его мысли, Ивамура повернул свое квадратное лицо в сторону Сики.

– Дело художника передай Тацуми.

Кадзумаса подумал, что ослышался. Неужели будет так, как решил Иё?

Он решил не отступать.

– Да, но Такано сейчас везут в больницу, поэтому необходимо четкое руководство расследованием.

Иё щелкнул языком. Не обращая на это внимания, Сики продолжил. Он намеренно сгустил краски.

– Состояние может и улучшиться, но паракват – вещество замедленного действия, поэтому если оно проникло в легкие, не исключено, что через неделю Такано умрет. Нужно будет постоянно контролировать его состояние и общаться с врачом. И делать это очень деликатно.

– Ты хочешь сказать, что Тацуми не справится?

Под взглядом Имамуры Сики не знал, что сказать. Тацуми был таким же, как и Сики, следователем широкого профиля. И это не тот случай, чтобы причинять неприятности коллеге.

– Дело не в этом. Но я считаю, что расследование по делу инспектора Кадзи может вести любой. Нет ничего сложного

в выяснении обстоятельств дела подозреваемого, полностью признавшего свою вину.

– Неизвестно, полностью ли он признал свою вину.

– Что?

– Кадзи сказал, что убил жену три дня назад.

Его слова прозвучали как пощечина.

Выходит, что это не было явкой с повинной сразу после убийства?

– И экспертиза также показала, что с момента смерти прошло несколько дней. Эти два дня вызывают у меня беспокойство. Поэтому на всякий случай я решил назначить тебя.

– Но...

– Кроме того, есть также момент субординации. Хотя Кадзи и совершил преступление, но он полицейский инспектор и ему сорок девять лет. Слишком необдуманно поручать расследование человеку младше тебя и ниже должностью или такому же инспектору. К тому же и прокуратура собирается назначить ответственным за расследование заместителя прокурора Сасэ. Так что не могу же я бросить на это дело рядового сотрудника.

Сики не знал, что ответить. Хотя ему много хотелось сказать, но если уж глава уголовного департамента – казалось бы, свой в доску – поддерживает другую сторону, то отказ будет означать лишение должности старшего следователя.

– Очень прошу тебя, Сики-кун⁴, – произнес молчавший

⁴ «Кун» – более неформальный, чем «сан», именной суффикс. Используется

до этого Кагами. – И до половины десятого доложи о результатах.

Сики вздрогнул от неожиданности. 9.30? Он шутит?

– До начала пресс-конференции, – пояснил Иё. Но понятнее не стало.

– До половины десятого вечера? – не поверив, решил все-таки переспросить Сики.

– Разумеется, утра.

Сики взглянул на часы. Было уже больше половины восьмого. Осталось два часа...

– Он арестован в семь часов утра. А журналистов поставим в известность, когда уже закончат принимать материалы для вечернего выпуска. Правда, наверное, они поднимут шум. Обвинят нас в том, что прикрываем себя, потому и сообщение задержали... Это ж надо – представитель руководства полицейского управления совершает убийство! Нет, нельзя позволить, чтобы из-за одного идиота на нас лили грязь.

Один идиот?

Сики подумал, что так выражаться может позволить себе лишь совершенно посторонний. «Этому Иё, видимо, сильно не понравились мои высказывания: даже не смотрит на меня...»

Времени не оставалось.

людьми равного социального положения, а также при обращении начальника к подчиненному.

Сики, взяв папку, поднялся.

Из дела выскользнула фотография и упала на пол. Доброе лицо. Глаза, напоминавшие глаза маленького зверька, смотрели на стоящего следователя.

Инструктор. Очень честный. Смерть сына. Мучительная болезнь жены. Убийство. Два дня неизвестности. Явка с повинной...

В голове Сики возник первый вопрос.

Почему, убив жену, Кадзи Соитиро не выбрал смерть?

3

Сики покинул полицейское управление на служебном автомобиле. Поскольку было уже поздно вызывать закрепленного за ним водителя, за руль сел закончивший дежурство полицейский Цутикура. После того как они отъехали, Сики сообщил ему о деле Кадзи Соитиро. В зеркале заднего вида он видел покрасневшие глаза Цутикуры, и похоже, что причиной этому был не только недостаток сна из-за ночного дежурства.

До центрального управления на машине примерно пятнадцать минут. Сики, приглушив звук радиосвязи, разговаривал с Каматой по телефону, которым было оборудовано заднее сиденье.

Тот сообщил, что Такано Мицугу был доставлен в больницу Кумано и сейчас ему делают промывание желудка. В сознание не приходил. Гематурия⁵, в моче обнаружен паракват. Состояние неблагоприятное. Сики дал указания объяснить ситуацию главному врачу и поставить дежурить в палате двух охранников. Лучше перестраховаться. Не дай бог, Такано придет в себя и откусит себе язык. Тогда все пропало.

Предотвратить самоубийство...

«Почему же Кадзи не выбрал смерть?» – выходя из маши-

⁵ Гематурия – медицинский термин, обозначающий наличие крови в моче сверх величин, составляющих физиологическую норму.

ны, снова подумал Сики. Разумеется, причина умереть здесь совершенно другая, нежели в делах, подобных делу Такано. Совершив недостойный полицейского поступок, инспектор в значительной мере лишился доверия полиции. И должен взять на себя ответственность. Попросить прощения и умереть. Если б Сики услышал о том, что Кадзи оставил прощальное письмо с извинением и покончил с собой, это не потрясло бы его так сильно, как сообщение о явке с повинной. Полицейские не должны так поступать. Тем более что Кадзи как инструктор подавал пример молодым...

Сики вошел в центральное управление и посмотрел на часы. Ровно восемь. Поднявшись на третий этаж, он открыл дверь в уголовный отдел. Все без исключения поднялись со своих мест с застывшими лицами.

Во всех управлениях к старшему следователю по особо важным делам относятся с особым почтением. Руководящими должностями первого отдела расследований главного управления, помимо начальника и заместителя, считались должности старшего следователя, криминалиста и следователя по межрегиональным делам⁶; но когда случалось происшествие, вне зависимости от стажа в должности, старший следователь пользовался огромным авторитетом. Получить право занять этот пост мог только человек из состава отдела

⁶ Следователь по межрегиональным делам – в Японии следователь, который координирует процесс расследования в случае, если произошла серия преступлений в двух и более населенных пунктах или префектурах.

особо опасных преступлений, расследующего исключительно кровавые и громкие дела, такие как убийство, ограбление, поджог или изнасилование, который в течение многих лет практически постоянно находился на местах преступлений. Но Сики, в отличие от своих предшественников, помимо богатого «полевого» опыта, обладал к тому же незаурядными способностями дознавателя.

– Нет времени, – произнес Сики, отодвинув предложенную ему чашку чая, и, следуя за начальником уголовного отдела Коминэ, поспешил в старую часть здания. По этому узкому коридору, ведущему в комнату для допроса, он ходил когда-то постоянно.

– Ямадзаки пришел?

– Да, он в восьмом.

Помощника полицейского инспектора Ямадзаки Сики назначил своим помощником. Помимо выполнения непосредственных обязанностей записывать показания подозреваемого, необходимо также обладать проницательностью для того, чтобы угадывать изменения, которые могут возникнуть по ходу допроса. Также нужно деликатно передавать информацию, поэтому не любой человек здесь подойдет. С Ямадзаки они когда-то проработали бок о бок пять лет и понимали друг друга с полуслова. Это очень в духе Ямадзаки – ждать именно в восьмом кабинете. Как ни странно, даже привыкшие к допросам матерые подозреваемые часто раскалывались именно там.

Однако сегодня Сики категорически отказывался быть суеверным.

– Будем проводить в третьем. Передай Ямадзаки, – приказал он Коминэ и толкнул дверь в кабинет под номером три.

Его обдало горячим воздухом давно не проветриваемого помещения. Ничего не изменилось. Тесная комнатка размером примерно в 2 цубо⁷. Низкое зарешеченное окно. Стальной стул. И еще один напротив. У левой стены письменный стол и стул для секретаря. Больше ничего. В этой бесцветной закрытой комнате ты и заключенный – друг против друга. Раньше здесь было основное «поле боя» Сики. Психологического боя...

Обернувшись на звук открывшейся двери, он увидел беспечное лицо Ямадзаки.

– Привет!

– Давно не виделись.

– Постарел ты...

– И вы. – Даже не улыбнувшись, Ямадзаки протянул Сики пачку документов. – Это ордер на арест и признательные показания.

В этот момент раздался стук в дверь, и заглянувший человек произнес:

– Сики, извини, что помешал...

Это был инспектор Сасаока из административного отдела. Они в одно время учились в школе полиции, но его вы-

⁷ Цубо – японская мера площади. 1 цубо=3,3058 м².

сокомерная манера общения ужасно раздражала Сики. Да и тот, похоже, его недолюбливал. Маловероятно, что у Сасаоки было какое-то личное дело; значит, появился он здесь по поручению административного департамента... Интересно, зачем он пришел?

Из-за спины Сасаоки выглядывал молодой человек в костюме. Ровный пробор, лоснящиеся щеки, лицо как у куклы чревовещателя.

– Это мой подчиненный Курита. Помощник начальника отдела, отвечает за кадры.

– Из департамента прислали?

– Ну он хоть и молодой, но очень способный. Не стесняйся – он в твоём распоряжении.

– В моём распоряжении? В каком смысле?

– Разве ты не слышал? Он будет ассистировать на допросе.

Что за чушь?..

Сики вспомнил похожее на дайфуку⁸ лицо Иё.

– Ты хочешь сказать, что я должен проводить допрос под вашим наблюдением?

– Не придирайся. Он просто координатор.

– У меня есть помощник. Ты мне мешаешь. Забирай этого молокососа и исчезни!

Сасаока покраснел до ушей.

– Это приказ главы департамента.

⁸ Дайфуку, или дайфукумоти (букв. «большая удача») – японская сладость, небольшая рисовая лепешка с начинкой.

– Какого департамента? Уголовного или административного?

– Можешь считать, что обоих. Глава уголовного департамента не возражал.

Высказавший все Сасаока стоял с торжествующим видом.

Сики был вне себя от ярости. В то же время он чувствовал ужасную беспомощность. Не смог возразить? Получается, что уголовный департамент не имеет никакого авторитета? И если административный департамент, в руках которого и кадры, и деньги, примет решение ввести принудительные меры, он может бесцеремонно вторгаться даже в допросную комнату, святая святых уголовного отдела?

Да пошли вы к черту!

Сики плюхнулся на стул, предназначенный для следователя.

– Через десять минут я начинаю допрос. Освободите помещение.

– Да, я сейчас уйду, но Курита...

– Я сказал, освободите! – не дослушав, заорал Сики.

У следователя существовал определенный ритуал. Зная об этом Ямадзаки быстро вышел из комнаты. Сасаока и Курита с удивленными лицами последовали за ним.

В комнате снова стало тихо.

Сики закрыл глаза. Сделал глубокий вдох.

...Отключись... От всего...

Он программировал себя, пытаясь выбросить из головы

все посторонние мысли и сосредоточиться.

...Вот так.

Каждое расследование представляет собой книгу. А подозреваемые – герои этой книги. У каждого из них своя история. Однако герои не могут выйти из книги. Только когда мы раскроем ее, они смогут что-то рассказать нам. Иногда они хотят, чтобы мы заплакали. Иногда разжигают в нас ярость. Они всегда хотят что-то сказать. Просят, чтобы мы прочитали их историю. Нам достаточно лишь спокойно перелистывать страницы. Они ждут. Ждут, сгорая от нетерпения. Ведь пока мы не перелистнем страницу, они не могут начать говорить.

Сики открыл глаза.

Как раньше, у него не получилось. Но, по крайней мере, он смог успокоиться. Что ж, в таком состоянии уже можно начинать.

Через обещанные десять минут Ямадзаки и Курита вошли в комнату и сели на свои места. Еще через минуту дверь за спиной Сики открылась. Не поворачивая головы, он ждал.

Обойдя стол, перед ним предстал человек в костюме без галстука. Он стоял прямо перед Сики с другой стороны стола спиной к окну. Молодой конвойный снял наручники и веревку⁹; пальцы его чуть заметно дрожали.

– Садитесь.

⁹ В Японии принято, помимо применения наручников, обвязывать вокруг пояса задержанного веревку – так его доставляют на допрос.

Курита вытарашил глаза. Голос Сики был настолько мягким, что, казалось, это другой человек. Ямадзаки же совсем не волновался. Это тот самый «добивающийся признания Сики», которого он знает уже пять лет.

Однако внутри у старшего следователя все кипело.

Лицо поклонившегося в знак приветствия Кадзи Соитиро было более спокойным и умиротворенным, чем у Сики. Глаза абсолютно ясные. Как у убийцы может быть такой ясный взгляд? Он же убил собственную жену – и такие глаза...

Сики посмотрел на часы.

– Седьмое декабря, восемь часов двадцать три минуты. Начинаем допрос. Сики, старший следователь по особо важным делам первого отдела расследований главного управления.

– Кадзи Соитиро. Очень приятно.

Уверенный, четкий голос.

Сообщая о праве не отвечать на вопросы, прирожденный следователь Сики почувствовал разгоравшееся в нем волнение. Какую же историю он начнет сейчас читать?

Но времени мало. И всего лишь одну секунду он сожалел о том, что из-за этого придется начать читать с последней главы.

4

Звук пишущей ручки. Это Ямадзаки. И другой звук. Курита тоже начал писать?

Сики положил руки на стол, переплел пальцы.

– Инспектор Кадзи.

Он назвал его имя с указанием должности из чистого сострадания. Как раз сейчас в главном управлении проходит заседание дисциплинарного комитета, на котором будет принято решение об отстранении Кадзи Соитиро от исполняемых обязанностей. Причина такой спешки – в желании объявить на пресс-конференции, что он является бывшим полицейским.

С другой стороны, то, что Сики обратился к Кадзи, указав должность, тяжело отозвалось в его душе. Хотя он испытывал неприятные чувства оттого, что ему придется допрашивать сослуживца, нужно признать это: как бы то ни было, он его коллега. И неважно, общались они или нет.

Но для начала нужно сообщить ему о том, что сейчас происходит.

– Из-за того, что вы совершили, в полицейском управлении неспокойно.

– Да... – Кадзи глубоко склонил голову. – Мне ужасно жаль, что я доставил всем столько беспокойства.

Сики кивнул.

– Поскольку преступление совершено сотрудником полиции, нужно продумать тактику общения со СМИ. В связи с этим, хотя с точки зрения процедуры допроса это и беспрецедентный случай, придется начать с вопроса о сути происшествия.

Конечно, хорошо, что можно не задавать вопросы о месте рождения, послужном списке, судимости, биографии и других подобных вещах, предусмотренных процедурой допроса. При приеме на работу в полицию на человека собирают полное досье.

Сики взглянул на лежащие перед ним документы. Кадзи Кэйко. 51 год.

– Так почему вы убили свою жену Кадзи Кэйко?

Кадзи выпрямился и, немного помолчав, произнес:

– Потому что... мне было ее жаль.

– Я слышал, что ваша жена была больна.

Кадзи чуть заметно кивнул.

– У Кэйко была диагностирована болезнь Альцгеймера? –

Сики чувствовал сильное волнение.

– Примерно два года назад появились симптомы... Частые головные боли, головокружения. Она пила лекарства, которые можно было купить в аптеке без рецепта. Но улучшения не было – скорее наоборот, становилось хуже, – поэтому где-то в апреле я насильно отвез ее в больницу. О результатах обследования Кэйко не сообщили, но, похоже, она что-то почувствовала. Стала изучать книги по медицине и

постоянно спрашивала, не Альцгеймер ли у нее...

По словам Кадзи, болезнь прогрессировала поразительно быстро. Жена часто путала числа и дни недели. Иногда, глядя на часы, не могла понять, который час. Стала очень забывчивой, забывала даже про важные дела. Начала писать на поминания, но забывала о том, что писала их. Потом, когда спохватывалась, очень переживала. Появилось чувство страха – сколько еще она сможет осознавать себя человеком...

– Примерно летом она убедилась в том, что больна. Стала говорить, что хочет умереть. Я подбадривал ее. Говорил: «Если умрешь, что я буду делать? Если ты умрешь, кто будет приносить на могилу Тосии цветы?»

Сики бросил взгляд в лежащее перед ним дело. Кадзи Тосия. Умер семь лет назад от острого лейкоза костного мозга. В возрасте 13 лет.

– Может быть, напротив, не стоило так говорить... Это произошло три дня назад.

Кадзи подошел к событиям дня, когда было совершено преступление.

– Четвертого декабря, верно?

– Да, в годовщину смерти Тосии.

Он убил жену в годовщину смерти единственного сына...

Сики сдавило грудь.

– Днем мы ходили на кладбище. Кэйко убралась на могиле, тщательно вымыла могильную плиту, затем долго стояла,

соединив ладони¹⁰. Если б он был жив, отмечали бы совершеннолетие¹¹. Со слезами в глазах она говорила, как бы ей хотелось сфотографировать его на церемонии. Однако...

Кадзи замолчал. Взгляд его стал рассеянным. В этот момент он, несомненно, представлял то, что случилось позже.

Сики молча ждал.

Пересохшие губы Кадзи зашевелились.

– Вечером Кэйко заволновалась. Говорила, что мы не ходим на могилу. Я убеждал ее, что мы ходили туда много раз, но все было бесполезно. Она не помнила. И впала в полубезумное состояние. Сокрушалась, что даже забыла про день смерти Тосии. Кричала, что не мать, что уже не человек, что хочет умереть... Размахивала руками, топала ногами, каталась по полу, натыкалась на предметы, бросала вещи... Я отчаянно пытался остановить ее, но Кэйко рыдала и непрерывно умоляла убить ее. Кричала, что хочет умереть, пока еще помнит Тосию, пока еще не забыла, что она его мать... Она прикладывала мои руки к своей шее и умоляла, умоляла...

Сики обеими руками обхватил колени.

– Я задушил ее... Потому что пожалел... Задушил вот этими руками... Я очень виноват...

¹⁰ Японцы молятся, соединив ладони.

¹¹ Совершеннолетие – государственный праздник, который отмечается во второй понедельник января. В этот день свое совершеннолетие отмечают все японцы, которым со 2 апреля предыдущего года исполнилось или до 1 апреля текущего года исполнится 20 лет. Главы местных администраций в этот день проводят официальную церемонию для новоиспеченных совершеннолетних.

Убийство по просьбе потерпевшего...

Раздался громкий звук. Оттолкнув стул, Курита выбежал из комнаты. 9.25. Да, ведь ему надо успеть подготовить показания к началу пресс-конференции.

Сики повернулся обратно.

В глазах Кадзи стояли слезы. Взгляд его был таким же ясным, как и прежде. Он освободил жену от страданий. Может быть, в этом причина такого ясного взгляда?

Сики захотелось на время закрыть эту книгу.

Это было очень сильное признание. Он чувствовал невыносимую тяжесть в душе. Казалось даже, что в комнате слышится звук рыданий Кэйко.

Но прежде чем сделать перерыв, нужно задать только один вопрос. О двух днях, предшествовавших явке с повинной, о которых говорил Ивамура.

– Инспектор Кадзи. – Сики пристально посмотрел ему в глаза. – Что вы делали после того, как совершили преступление?

Кадзи взглянул на Сики, но ничего не ответил.

15 секунд... 30 секунд... Минута...

Кадзи выглядел спокойным. В нем не чувствовалось никакого злого умысла. Никакого сопротивления. Но при этом губы его не шевелились.

Старшему инспектору передавалось волнение замершего помощника Ямадзаки. Стояла гробовая тишина. Трудно было поверить, что всего лишь несколько минут назад казалось:

показания Кадзи – образец «полного признания»...

Сики облокотился на стол. Может быть, Кадзи не до конца понял смысл вопроса? Слабо надеясь на это, он задал вопрос еще раз:

– После того, как вы убили жену, и до явки с повинной прошло два дня. Где вы были и что делали в течение этого времени?

Губы Кадзи по-прежнему были сомкнуты.

На секунду взгляды Сики и Ямадзаки встретились. В глазах обоих читалось одно.

Кадзи Соитиро признался не во всем...

С того момента, как Кадзи замолчал, прошло десять минут.

Сики не спешил.

Под тем, что произошло уже после совершения преступления, буквально подразумевается лишь то, что было «потом». Полиция выясняет обстоятельства только самого происшествия для дальнейшего возбуждения уголовного дела. Даже если нет четкой картины последовавших событий, это не влияет на само расследование. Кадзи уже рассказал и о том, что предшествовало совершению преступления, и об обстоятельствах самого преступления. Его показания предельно детальны, и придраться не к чему. Если составить протокол в соответствии с этими показаниями, не возникнет никаких проблем ни на одном этапе, начиная с передачи дела в прокуратуру, предъявления обвинения и заканчивая судебными слушаниями. По сути, информация о событиях, последовавших за совершением преступления, нужна лишь для того, чтобы поставить точку в истории преступника.

Однако это дело чрезвычайно заинтересовало Сики как следователя. Почему, так легко признавшись в самом тяжком преступлении – убийстве, – Кадзи не говорит о том, что было потом? Очевидно, потому, что там скрыта история, более важная для него, чем то, в чем он признался.

Для начала Сики решил попробовать выяснить причину этого.

– Инспектор Кадзи, вы сейчас осознанно храните молчание?

– ...

– Я правильно понял, что вы решили воспользоваться правом не отвечать на вопросы?

– ...

– Вы не хотите рассказывать о том, что было потом, до того, как вы совершили явку с повинной?

– Ну... – раздался голос Кадзи. Совсем тихий. – Я обязательно должен об этом рассказывать?

Сики понял, что имел в виду Кадзи. Он признался в совершении преступления. Полицейское управление префектуры может запускать дело. Что еще нужно?

– Нет, необязательно.

Услышав ответ Сики, Кадзи опять склонил голову.

– Я не собираюсь молчать. Но могу я попросить вас сохранить это в тайне?

Сохранить в тайне?..

Тут раздался такой грохот, что Сики подумал – наверное, дверь раскололась. В комнату влетел Курита.

– Господин старший следователь, срочно позвоните в информационный отдел! Глава департамента Иё ждет!

С безразличным видом Сики медленно поднялся.

– Продолжим в тринадцать часов. Может быть, вам по-

обедать в камере и немного отдохнуть? Вы ведь рано встали сегодня.

– Прошу вас, давайте быстрее! – опять подал голос Кури-та.

Вдвоем они вышли из комнаты. В следующую секунду Сики схватил Кури-та за волосы и поволок его по коридору мимо допросных комнат. Втолкнув его в четвертую по счету комнату, с силой повалил на пол.

– Черт тебя подери! Если ты еще раз заорешь в допросной, я тебе шею сверну!

С ужасом глядя на так внезапно изменившегося Сики, Кури-та, ставший похожим на маленькую черепашку, съежился в оборонительной позе и молчал.

В комнату ворвался Сасаока.

– Сики, успокойся! Успокойся! Иё ждет звонка.

– Этот парень ведь передал всю информацию!

– Кагами на пресс-конференции не знает, что делать.

Не знает, что делать?..

– Как раз сейчас на него нападают. Все вопросы касаются этих выпавших из истории двух дней.

Сики посмотрел на лежащего на полу Кури-та. Тот непрерывно кивал.

Вся картина преступления известна. Этого ведь должно было быть достаточно для журналистов.

– Пресс-конференция пошла не в то русло. Похоже, что молодой журналист задал вопрос о том, что было после пре-

ступления. Кагами стал путаться. И сразу же со всех сторон его стали засыпать вопросами.

Говоря это, Сасаока потянулся за мобильным. опередив его, Сики достал из кармана свой телефон и набрал номер главного управления и внутренний номер отдела информации. Ответил Иё.

– Ну что? Он рассказал?

Он старался говорить тише. В этот самый момент рядом «пытали» Кагами.

С определенной долей решимости в голосе Сики ответил:

– О том, что Кадзи делал после совершения преступления, он ничего не сказал.

– Как? Не может такого быть! Наверное, сидел рядом с телом жены...

– Нет, он этого не говорил.

– Может быть, ходил и искал, где ему умереть?

– Я не знаю. Он молчит.

– Ну а как тебе кажется? Какое ощущение?

– Никакого.

– Ты вообще следователь? О тебе же говорят, что ты мастер! Или это все ерунда?

– Допрос еще не закончен. Так и передайте Кагами.

– Ты хочешь, чтобы я сейчас это сказал?

– Но это действительно так...

– Он был как в тумане. Убив жену, находился в шоке, и то, что случилось в последующие два дня, почти не помнит.

Это подойдет?

После небольшой паузы Сики произнес:

– Нет, это не так.

– Этот идиот... – произнес Иё и отключился. Наверное, кто-то позвал его.

Сики ждал, гневно глядя прямо перед собой.

Идиот?..

Голос, снова раздавшийся в трубке через некоторое время, был спокойнее.

– Он сказал, это будет домашнее задание, которое нужно сделать до вечера.

Уже почти десять часов утра. По словам Иё, журналисты временно прекратили расспросы и взялись за написание репортажей для вечерних выпусков.

– Следующая пресс-конференция в семь вечера. Тебе понятно? Уж теперь-то выясни всё, пожалуйста.

В голове промелькнул диалог с Кадзи.

«Я обязательно должен об этом рассказывать?»

«Нет, необязательно...»

– Я постараюсь.

– Стараться будет патрульный, а с тебя как с руководителя требуется результат. Понял?

6

В коридоре, соединявшем допросные комнаты и уголовный отдел, было безлюдно. Прежде Сики часто проходил здесь. И в душе его всегда были разные чувства. Волнение. Раздражение. Надежда. Тревога. Но, наверное, никогда еще он не чувствовал себя настолько загнанным в угол. Ответственность за сохранение репутации полицейского управления префектуры была возложена на его плечи. Его одного.

В ушах звучал голос Иё.

Сидел рядом с телом жены...

Ходил и искал, где ему умереть...

Убив жену, находился в шоке, и то, что случилось в последующие два дня, почти не помнит...

В глубине души Сики тоже надеялся на один из таких ответов.

Однако это не так. У Кадзи Соитиро есть другая история, совсем не связанная с тем, что произошло. Поэтому он не умер. Несмотря на то что, потеряв сына и убив собственными руками жену, остался в полном одиночестве, он не лишил себя жизни и пришел с повинной. Кадзи выбрал жизнь. Он согласился на то, что его образ – полицейского инспектора, а также преподавателя, имевшего множество учеников, – будет вымаран грязью, и, даже не беспокоясь о том, что потом ему придется быть в заключении в тюремной камере, тем

самым еще больше опозорив свое имя, пришел с признанием. Какой же мощной должна быть его история! Как хочется прочитать ее... Но ведь ее придется прочитать в любом случае. И как бывшему дознавателю. И для поддержания престижа старшего следователя по особо важным делам. И для того, чтобы остаться на руководящей должности в полицейском управлении.

Как бы там ни было, после обеда предстоит поединок.

Открыв дверь в уголовный отдел, Сики столкнулся с начальником отдела Коминэ. Тот как раз собирался идти к нему. Он был бледен.

Вместе они прошли в приемную.

– Посмотрите, что изъят во время обыска в доме наш сотрудник.

В виниловом пакете, предназначенном для вещественных доказательств, лежала яркая упаковка бумажных салфеток с рекламой. Первым, что бросалось в глаза, была написанная большими буквами надпись «Просмотр видео для взрослых». И ниже мелко: «Токио, Синдзюку, Кабукитё¹²...»

– Где это нашли?

– В кармане пальто инспектора Кадзи. Оно висело в шкафу у него дома.

– Дома?

¹² Кабукитё – один из кварталов токийского района Синдзюку. Является известным кварталом развлечений: в нем сосредоточены кафе, игровые автоматы, кинотеатры и прочие увеселительные заведения. Его называют также «лучшим кварталом развлечений в Восточной Азии».

– Когда явился с повинной, он был в пиджаке.

Это потому, что он был уверен: дорога предстоит только в один конец. Если ты приходишь с повинной, у тебя не будет возможности вернуться домой в течение нескольких лет.

– Это пальто, которое он носил постоянно?

– Присутствовавший во время обыска сотрудник из учебного отдела сказал, что Кадзи ходил в нем каждый день.

Не хотелось об этом думать, но Сики не мог не думать.

Кадзи ездил в Кабукитё смотреть видео для взрослых.

Это бумажные салфетки для привлечения клиентов. Наверное, естественнее было бы думать, что ему просто дали их на улице¹³, но Сики чувствовал, что Кадзи действительно ездил в Кабукитё. Когда? И с какой целью?

В голове крутились неприятные мысли.

Когда ты в течение целых тридцати лет занимаешься расследованием преступлений, сталкиваешься с разными типами преступников. Человек, как бы он ни строил из себя святого, – когда срываешь с него маску, понимаешь, какой он на самом деле зверь. Особенно неуправляемы сексуальные преступления. Предрасположенность к их совершению – в природе всех без исключения особей мужского пола, независимо от статуса, репутации и рода занятий. Приходишь к выводу, что против инстинктов человек бессилён.

¹³ В Японии часто раздают на улицах упаковки бумажных салфеток, в которые вложена реклама различных увеселительных заведений, а также кафе, ресторанов, агентств недвижимости и т. д.

Кадзи и Кабукитё. Конечно, нельзя не признать, что нет ничего более несочетаемого. Но в группе риска состоят при- мерные семьянины от 40 до 60 лет. Секс под запретом. Чем строже усвоенные с детства моральные принципы, чем больше стараешься добросовестно следовать им, тем более при- влекательной становится сексуальная сфера. Когда со всех сторон обрушиваются волны соответствующей информации, однажды внезапно приходит чувство досады. Как же много мужчин, которые, считая себя ущербными и словно пытаюсь отомстить времени, воспитавшему их таким образом, пускаются в погоню за запретными удовольствиями и отдаются им, забывая и о работе, и о семье...

Задушив жену и оставив тело, Кадзи отправился в Кабу- китё. Прежде чем явиться с повинной, он встречался с пуб- личной женщиной...

Но ни Сики, ни Коминэ не высказали своих предположе- ний вслух.

– Отправь две группы в Токио. А я загляну в дом инспек- тора Кадзи.

– Там, внизу, караулят журналисты.

– Я знаю.

Сики направился в глубь отдела. Открыл дверь, предна- значенную для конвоирования подозреваемых, спустился по внешней лестнице и вышел к парковке, находившейся за зда- нием полицейского управления. Недалеко от служебного ав- томобиля он заметил молодого мужчину. Это был Накао из

газеты «Тоё». Сики хотел вернуться, но было уже поздно.

– Господин старший следователь!

Накао, который очень гордился своими ногами легкоатлета, в мгновение ока очутился рядом с Сики и зашагал вместе с ним.

– Все-таки вы были здесь...

– Я только ненадолго зашел. Уже уезжаю. – Сики опять повернулся и направился к автомобилю.

– Какой ужас, не так ли?

– Да.

– Это действительно шок. Убить собственную жену!..

– Вы хорошо знали его?

– Нет. Но я как-то делал о нем репортаж. Он ведь написал учебник по чистописанию и раздавал его молодым полицейским.

– Да, и это очень помогло. Ведь если протокол написан с ошибками и некрасиво, подозреваемый будет презирать нас.

– Так что? Кадзи рассказал о том, что потом произошло?

– Не знаю.

– Похоже, он подал в учебный отдел объяснительную записку о неявке на работу в течение двух дней. Написал, что в первый день плохо себя чувствовал, а во второй – что у него были важные дела.

– Вот как!

В первый момент это показалось Сики неожиданным, но он тут же все понял. Если б Кадзи не предупредил о своем

отсутствии, кто-нибудь из учебного отдела наверняка отпра-
вился бы к нему домой и заметил что-то странное.

Но новость о том, что Кадзи написал объяснительную, по-
чему-то заставила задуматься о его двуличности, и у Сики
стало тяжело на душе. Раз Кадзи не забыл об этом, можно
предположить, что, по крайней мере, он не был настолько
подавлен. Что же произошло потом? Что он делал, сообщив
в отдел о «болезни» и «делах»? Приводил в порядок дом?
Но в таком случае Кадзи должен честно рассказать об этом.

И все-таки он куда-то ездил. В Кабуakitё?

Сики собрался было сесть в машину, но Накао взволно-
ванно спросил:

– Господин старший следователь, а что там с маньяком?

Сики испуганно обернулся. Так вот за чем на самом де-
ле охотился Накао! Безусловно, факт операции по захвату в
квартире Такано Мицугу держался втайне от информацион-
ных агентств и средств массовой информации.

– Я не знаю.

– Это ваша любимая фраза?

К счастью, на лице Накао не было признаков того, что у
него имеется какая-то информация. Вообще-то, именно он
раскрыл общественности факт секретного расследования се-
рии изнасилований девочек, проводимого первым отделом.
По этой причине следователи сторонились его и в настоящее
время делали все возможное, чтобы к нему не попали по-
дробности этих дел.

Садясь на заднее сиденье, Сики приказал Цутикуре трогаться. Часы в машине показывали 11.15. По радиосвязи передавали номера угнанных автомобилей, объявленных в розыск.

Сразу же после того, как они выехали из задних ворот управления, Цутикура посмотрел на Сики в зеркало заднего вида.

– В главное управление?

– Домой к инспектору Кадзи.

В какое-то мгновение Цутикура напрягся, но, ничего не сказав, развернул машину. Глаза его были краснее обычного. Сики советовал ему поспать, но, похоже, тот не смог уснуть.

Сики позвонил Камате на мобильный. Тот сообщил, что Такано Мицугу пришел в сознание. Сейчас с помощью препарата, абсорбирующего паракват, и слабительного яд пытаются вывести из организма. Скоро начнут процедуру гемодиализа. Камата все еще был сильно взволнован утренними событиями, и его голос пронзительно звучал в трубке, так, что было больно ушам.

Закончив разговор, Сики слегка выдохнул.

Казалось, что Камата находится в каком-то другом мире. Старший инспектор почувствовал, что дело об изнасилованиях очень быстро потеряло для него свою яркость. Мир сыщика определяют не только чувство справедливости и чувство осознания собственного долга. Бывают дела, за которые приходится браться, поскольку это и средство существова-

ния, и борьба за получение награды или повышение по службе. Но в этот раз все по-другому. Все стали одним целым. Все – чьи-то родители, которые не могут простить насильника. Каждый непременно хотел внести свою лепту. Следовательно, занимавшиеся этим делом, готовы были вести расследование без выходных, и оно продолжалось непрерывно на протяжении 62 дней.

Но...

Сердце Сики сейчас находилось в допросной под номером 3.

От исхода поединка с Кадзи зависит его собственная карьера. Но не только. У него было чувство, словно он очнулся от сна. Сики вдруг понял это. Ведь та комнатка размером два с небольшим кубо как раз и должна стать местом, где он может в наибольшей степени проявить себя. Отчаянно распутывая одно дело за другим, как и все, двигаясь вверх, Сики незаметно добрался до вершины, о которой только может мечтать полицейский, – занял пост старшего следователя первого отдела расследований. Став центральной фигурой в отделе, имея в своем подчинении большое количество людей, одним телефонным звонком он может привести в движение гигантскую розыскную сеть. Но разве это то, о чем он мечтал?

По радиосвязи шел громкий обмен сообщениями. Похоже, что в городе С. водитель совершил наезд и скрылся. Объявлен план-перехват.

Сики, прикрыв глаза, покачивался в такт движению автомобиля.

Мимо проплывали каштаны. Такие же, как когда-то росли во дворе дома, где он жил.

Сики так и не смог привыкнуть к мачехе, пришедшей в их дом. Взяв книги, купленные умершей матерью, он проводил время, сидя в одиночестве в маленьком сарае, где хранился сельскохозяйственный инвентарь, и читая целыми днями. Герои рассказывали ему разные истории. Только переворачивание страниц избавляло его от одиночества.

Сики продолжал сидеть с закрытыми глазами.

Напряженные переговоры по радиосвязи казались стреко-танием цикад в жаркий летний день.

Вторую часть допроса Сики начал, как и планировал, ровно в час дня.

Некоторое время он посвятил повторному выяснению обстоятельств, предшествовавших преступлению, и обстоятельств самого преступления. В течение 48 часов необходимо сообщить в прокуратуру о задержании Кадзи Соитиро. Поскольку дальше Сики решил уделить значительную часть времени выяснению того, что произошло «после», перед этим он собирался составить по возможности полный протокол признания.

В сидевшем перед ним Кадзи он не заметил никаких изменений. Помощник Ямадзаки, как всегда, был невозмутим. И лишь Курита был другим. Похоже, что он хорошо усвоил полученный урок: теперь старался не только тихо ходить, но даже писать.

Но самым далеким от того, чтобы сохранять хладнокровие, был, наверное, не кто иной, как Сики.

В доме Кадзи он получил важную информацию. Кроме того, во время обеда на скорую руку внимательно прочитал материалы административного отдела, но никак не мог понять, как ему все это использовать. Сам по себе допрос уже содержит в себе вывод. Ты заранее решаешь, на основании чего добиваться признания, и, шаг за шагом подбираясь все

ближе и ближе, в конце концов получаешь его. Но в этот раз непонятно, за что зацепиться. Есть только одно, с чего вроде бы можно начать, – «он встречался с женщиной в Кабуките». Однако когда ты видишь перед собой ясные глаза Кадзи, это начинает казаться совершенно далеким от реальности.

Не говоря уже о том, что в этом расследовании он связан по рукам и ногам административным департаментом. В 7 часов вечера все должно быть завершено. Это обстоятельство камнем лежало на сердце Сики, и его переполняли беспокойство и раздражение.

Было больше трех часов, и от вопросов о происшествии он уже перешел к выяснению того, что было «после», но пока лишь пробирался на ощупь.

– Болезнь Альцгеймера – это так страшно... Вашей жене шел только пятьдесят второй год.

– Да... Это было действительно как гром среди ясного неба.

– Вам сорок девять лет. Мне сорок восемь. Мы уже в таком возрасте, что можем заболеть в любой момент.

– Да, это так. Я слышал, что средний возраст начала развития болезни – пятьдесят два года.

Сики не просто так заговорил о возрасте.

– Я только что был у вас дома и видел в кабинете каллиграфическую работу, где было написано: «Человеку суждено жить под небом лишь полвека».

Веки Кадзи чуть заметно дрогнули.

- Это слова Ода Нобунага¹⁴, да? Так мало, всего пятьдесят лет...
- Но в те времена это был обычный возраст.
- Такие плавные линии... Превосходная работа.
- Благодарю.
- Мне показалось, что это совсем недавняя работа. Когда вы написали ее?
- ...
- Вы занимаетесь каллиграфией двадцать пять лет?
- Да.
- Одиннадцать раз участвовали в выставках искусства каллиграфии префектуры. И в прошлом году наконец стали лауреатом в области иероглифики.
- Мне просто повезло.
- Когда вы пришли с повинной, пальто оставили дома, не так ли?
- Что?.. А, ну да.
- Предполагали, что не вернетесь?
- Да.
- Мне кажется, что каллиграф, который знает, что уже не сможет вернуться, берет с собой кисть.
- ...
- Он написал это изречение непосредственно перед тем, как

¹⁴ Ода Нобунага (1534–1582) – военно-политический лидер Японии, один из самых выдающихся самураев в японской истории, посвятивший свою жизнь объединению страны.

явиться с повинной. Сики не сомневался в этом.

Человеку суждено жить под небом лишь полвека...

Какие чувства Кадзи вложил в эти слова?

Сики решил пойти на небольшой риск. Он задал вопрос, который затрагивал пограничное состояние между «происшествием» и тем, что было «после».

– Что вы чувствовали после того, как убили жену?

– Некоторое время я был в рассеянности, – ответил Кадзи. – Понимал, что сделал что-то ужасное, но, с другой стороны, неоднократно говорил себе, что так было лучше для Кэйко, что она умерла счастливой.

– На следующий день, пятого декабря, вы позвонили в отдел и, сославшись на плохое самочувствие, не пошли на работу, так?

– Да.

– Вы действительно плохо себя чувствовали?

– ...

– Не физически, а морально?

– ...

– Я воспользовался стремянкой и проверил пространство под потолком.

Зрачки Кадзи расширились.

– Только в одном месте не было пыли. Это было похоже на след от каната или оби¹⁵.

¹⁵ Оби (букв. «пояс») – несколько различных типов японских поясов, которые носят как мужчины, так и женщины, поверх кимоно и кэйкоги (форма для заня-

– Я собирался умереть, – внезапно произнес Кадзи. – Это естественно. Я потерял Тосию, убил Кэйко... Не мог представить, как смогу жить один. И показаться на глаза коллегам было стыдно. Я считал, что должен смертью заслужить прощение...

Что я худший человек... Однако еще только один год...

Кадзи замер. Он сидел не шелохнувшись.

...Еще только один год?

Кадзи моргнул, как будто вспомнил что-то, и заговорил опять:

– Мне стало жаль... потерять жизнь.

Сделав небольшую паузу, Сики заговорил:

– Только один год... Что вы имели в виду?

Кадзи упорно молчал.

49-летний Кадзи решил прожить еще только один год. 50 лет. «Человеку суждено жить под небом лишь полвека». Наверное, все-таки не просто так он написал это изречение. Но все равно непонятно. Не умереть сейчас, все выдержать, а когда исполнится 50 лет, можно и умирать?

– Это как-то связано с Тосия-куном?

– ...

– Теперь, кроме вас, некому ходить на могилу.

Произнося эти слова, Сики подумал, что Кадзи тоже не сможет ходить на могилу сына. Несколько лет.

Кадзи спокойно заговорил:

– Там теперь Кэйко. Тосии уже не будет одиноко.

Сики не мог понять его истинных чувств.

Но одно было ясно.

Кадзи был готов умереть. Но потом передумал. Волевым решением он выбрал жизнь. Решил прожить еще один только год. Что повлияло на это решение? Возможно, ключ к загадке содержится в Кабукитё...

Сики посмотрел на часы. 15.45. Близится вечер. В голове зазвучал голос: «А с тебя как с руководителя нужен результат!» И желание прочитать историю Кадзи настолько усилилось, что его стало трудно сдерживать.

Сики придвинул стул ближе.

– В последнее время вы посещали Кабукитё в Синдзюку?

Он почувствовал, что Кадзи задержал дыхание.

– Посещали, не так ли?

– ...

– Когда это было?

– ...

– Когда речь заходит о том, что было после происшествия, вы молчите. Но таким образом становится понятно, что вы скрываете именно то, что произошло потом.

– ...

– В моем отделе есть молодой следователь, который вас уважает. Он рассказал, как вы призывали действовать в случае, если придется отправиться на место крушения поезда. Вы говорили, что им следует обращаться с останками так,

будто это их братья или сестры. Верно?

– Да.

– Так как же вы могли оставить тело жены и уйти?

– ... Не могу сказать.

– Почему? Потому что совесть нечиста?

– ...

– Честно говоря, у меня были некоторые подозрения. Но сейчас я совершенно не верю в то, что вы могли развлекаться в Кабукитё.

– ...

– Мне кажется, вы относитесь к категории людей, которые не могут врать. На следующий день после того, что произошло, вы действительно плохо себя чувствовали. А на второй день у вас действительно были важные дела. Это так?

– ...

– Что за важные дела?

– Простите меня! Я не могу рассказать.

– Но на самом деле вам хочется рассказать. Хочется с кем-то поделиться. Ведь в душе вы так считаете, правда?

Кадзи пристально взглянул на Сики. Тот тоже всмотрелся в его лицо.

Казалось, что страница вот-вот будет перевернута. В этот момент определенно ощущались признаки того, что откроется истина.

Однако Кадзи потупил взгляд. Когда он снова поднял глаза, те впервые выглядели помутневшими.

– Следователь Сики... Скажите, что мне лучше написать в показаниях?

– Что вы имеете в виду?

– Я не хочу больше доставлять беспокойства. Ни вам, ни полицейскому управлению, ни ученикам...

– Что вы хотите этим сказать?

Задавая вопрос, Сики чувствовал, как напряглось все тело.

Кадзи заговорил:

– Я искал, где умереть... Такой ответ подойдет?

Что это? Гнев? Или, может быть, печаль?

Душа его пылала так, что казалось, вспыхнет.

Тщательно подбирая слова, Сики сказал:

– Не нужно так беспокоиться. Я всего лишь хочу узнать, что вы на самом деле чувствуете.

8

17 часов. Объявив перерыв, Сики направился в уголовный отдел. Нужно просмотреть вечерние выпуски всех газет. Это входило в его планы.

Открыв дверь, он заметил профиль Сасаоки, сжимающего телефонную трубку. За несколько минут до перерыва тот крадучись выскользнул из допросной комнаты.

На столе в глубине кабинета возвышалась стопка вечерних газет. Сики собрался было проскользнуть сбоку от Сасаоки, но в этот момент тот передал ему трубку.

– Это глава департамента.

Наверное, будет требовать ответ...

– Сики слушает.

– А ты молодец!

Сики растерялся. Иё был в прекрасном настроении.

– О чем вы?

– Не скромничай. Притолока, притолока... Я о попытке самоубийства. Как ты его разговорил! На семичасовой пресс-конференции так и скажем. Что он точно пытался покончить с собой. В этот раз журналисты и пикнуть не смогут.

Точно?..

– Но попытка самоубийства не объясняет то, что он пришел только через два дня.

– Как же? Он сидел дома в одиночестве и мучился. Потом

попытался покончить с собой. Это убедительно и для журналистов, и для общественности.

Кризис миновал. Сики наконец реально ощутил это. Однако, несмотря на чувство облегчения, на душе у него скребли кошки, и он не смог повесить трубку.

– Я не сомневаюсь, что инспектор Кадзи выходил из дома.

– Чтобы больше я этого не слышал! – пригрозил вмиг изменившимся голосом Иё. – Кабукитё – табу. Если это станет известно, всему руководству полицейского управления придется сделать харакири.

– Думаю, что он ходил туда не для того, чтобы развлекаться.

– Это звучит плохо. Впредь не упоминай Кабукитё на допросе Кадзи. Если, не дай бог, он признается, то это может обернуться против нас. Забудь об этом. Понял?

Сики было стыдно слушать его слова. Этот человек, будучи сотрудником полиции, приказывает подчиненному не пытаться выяснить правду?

– При всем моем уважении...

– Дай! – Стоявший рядом Сасаока вырвал трубку и, повернувшись спиной к Сики, заговорил веселым голосом.

Курита попятился назад. Несомненно, он предчувствовал, что Сики сейчас взорвется. Этот его испуг выглядел ужасно комично, и Сики невольно улыбнулся.

Курита отступил еще на шаг назад.

– Принеси вечерние газеты, – попросил одного из сотруд-

ников Сики и сел на стул. Ему казалось, что из-за сбоя движения электрического тока гнева в его душе возникло короткое замыкание.

Статьи в вечерних выпусках преподносили произошедшее спокойнее, чем ожидалось. Болезнь Альцгеймера. Убийство по просьбе потерпевшего. Журналисты, наверное, тоже чувствовали сострадание. Однако статьи всех изданий завершались одинаково: «Поскольку остаются невыясненными обстоятельства событий двух дней после убийства Кэйко-сан¹⁶ до явки с повинной, полиция префектуры продолжает активную работу с задержанным Кадзи».

Позвонил местный прокурор Сасэ, прочитавший вечерние выпуски. Очевидно, он впервые услышал об этих двух днях, поэтому очень подробно обо всем расспрашивал. Сасэ был приятелем Сики, с которым они иногда выпивали. Сики чуть было не проговорился, но все-таки скрыл факт того, что Кадзи уходил из дома, и сообщил только о его попытке самоубийства. «Хоть это и прокуратура, но мы с ними не в одной связке». Положив трубку, Сики подумал, что промолчал, так как уже давно не доверял прокурорам, но в то же время получилось так, что он действовал в соответствии с указанием Иё.

¹⁶ -сан – нейтрально-вежливый именной суффикс. Широко употребляется во всех сферах жизни, часто используется при обращении к малознакомым людям.

Он вернулся в свою служебную квартиру в час ночи. Хотя ему случалось возвращаться и значительно позднее.

Сики прошел через темный коридор и направился к кухне. В какой-то момент он отказался от привычки смотреть на спящее лицо Мики. Когда девочке исполнилось 15 лет, заглядывать к ней в комнату стало считаться «подглядыванием».

На столе – три тарелки, накрытые пленкой. Посмотрев вечерние новости по телевизору, Митико приготовила поздний ужин для Сики.

Процедура гемодиализа была закончена, и Такано Мицугу перевели в палату. Вряд ли он сможет двигаться, но на всякий случай Сики дал указания Камате выставить охрану.

Сики молча работал палочками, словно соревновался с секундной стрелкой на наручных часах.

Поиск подтверждающих доказательств не дал никаких результатов. Работник клуба «Видео для взрослых», глядя на показанную ему фотографию Кадзи Соитиро, лишь качал головой. Сотрудники учебного отдела тоже не рассказали ничего интересного. Все они единодушно оценивали Кадзи как «мягкого и доброго человека», но ни один не знал, что у его жены болезнь Альцгеймера.

Вечерняя пресс-конференция прошла, как и ожидал Иё.

Кадзи действительно пытался совершить самоубийство. Начальник главного управления Кагами с уверенностью заявил об этом.

На сетчатке глаз Сики запечатлелся ясный взгляд Кадзи.

Прокурор Сасэ напомнил Сики о том, что завтра в первой половине дня Кадзи должен быть доставлен в прокуратуру, поэтому вечерний допрос опять был посвящен составлению протокола признательных показаний. Сасэ намекнул на недопустимость прикрывания своих внутри полицейского управления.

Однако даже передача дела в прокуратуру не означает, что полиция не получит к нему доступ. До того как будет возбуждено уголовное дело, Кадзи останется в изоляторе центрального управления. Завтра его доставят в прокуратуру, послезавтра будет назначена мера пресечения в виде заключения под стражу на 10 дней. Возможно продление еще на 10 дней. Всего 20 дней. Даже если прокурорское расследование займет 5–6 дней, у полиции есть полных две недели для проведения своего расследования.

«Я обязательно прочитаю...» – уверенно обещал себе Сики, умываясь в ванной.

Переполох со СМИ улажен, так что административный департамент вряд ли будет мешать. Куда отправился Кадзи, оставив тело жены, что делал? Почему, решившись умереть, раздумал и выбрал жизнь?

В зеркало на Сики смотрело лицо 48-летнего мужчины.

Усталость, которая обычно проявлялась в глазах и плечах, сегодня ночью ощущалась на всем лице, где уже были заметны морщины.

Человеку суждено жить под небом лишь полвека...

Подумав об этом, он почувствовал что-то за спиной.

Шарк-шарк... Шаркая ногами, маленькая фигура направлялась к туалету. Она напоминала высохшее каштановое дерево.

– Мама, я вернулся, – тихонько окликнул Сики, но, как всегда, не получил ответа.

Его сон был прерван телефонным звонком.

Сики по привычке потянулся к мобильному, лежавшему в изголовье, но звонил стационарный телефон, находившийся в гостиной.

5.50 утра...

– Это Сасаока.

Голос человека, с которым после вчерашнего вроде бы больше не должно быть никаких отношений.

– В чем дело?

– У тебя какие газеты есть?

– Я получаю все семь. Фирма платит.

– Посмотри «Таймс». Там опубликована невероятная статья.

– Почтовый ящик на улице. Что там? Говори!

– За день до явки с повинной Кадзи видели на платформе синкансэн¹⁷ на станции К.

В одну секунду сон как рукой сняло.

– Кто видел? Информации можно доверять?

– Думаю, ты тоже его знаешь. Галстуки продает у нас в управлении... Идиот! Больше никогда не сможет торговать

¹⁷ Синкансэн – (букв. «новая магистраль») – высокоскоростная сеть железных дорог в Японии, предназначенная для перевозки пассажиров между крупными городами страны. Также поезда синкансэн называют «поезд-пуля».

в полиции.

Через десять минут Сики выбежал из квартиры.

В уголовном отделе на третьем этаже центрального управления, к своему удивлению, он увидел опухшего Иё. Тот прошёл в приемную. Сасаока и Курита тоже влетели туда. Нет, что касается Куриты, то он вошел, стараясь не топтать.

На столе лежала местная газета «Кэнмин таймс», открытая на странице местных новостей.

6 декабря, накануне явки с повинной, примерно в 7 часов утра на платформе станции К., откуда отправляются синкансэн в сторону Токио, был замечен стоящий в пальто Кадзи. Когда продавец галстуков поприветствовал его, он кивнул в ответ. На вопрос «Куда вы направляетесь?» Кадзи не ответил, и, поскольку вид у него был какой-то странный, продавец не стал продолжать разговор...

Сики резко выдохнул. Просто идеальная сенсация. Теперь уже никого не обманешь.

– Надо что-то делать. Еще можно что-то сделать! – простонал Иё.

– Пятого числа он пытался убить себя, а шестого бродил в поисках места, чтобы умереть... Как тебе этот вариант?

Сасаока, к которому был обращен этот вопрос, нахмурился.

– Но он же стоял на платформе поезда в сторону Токио...

– Он же просто стоял. Неизвестно, сел ли он в поезд в сторону Токио или в противоположную. – Проницательный

взгляд Иё был направлен на Сики. – В любом случае, если эта поездка связана с Кабукитё, нам конец.

Частично Сики тоже так думал. Поскольку Кадзи не раскрывает цель своей отлучки из дома, Кабукитё ни к чему не привязано, и в таком случае СМИ накинутся и на Кадзи, и на полицейское управление с такой силой, что мало не покажется.

– Послушай! Быстро начинай допрос! Ты же для этого пришел, верно?

Сики посмотрел на часы. 6.20.

– Завтрак в камере в семь часов.

– Неважно. Допрашивай без завтрака.

– Если адвокат обратит на это внимание, потом будут проблемы.

– В любом случае к Кадзи будет назначен государственный защитник. Поэтому никаких возражений быть не может. Так или иначе, нужно обязательно заставить его говорить до того, как пойдут в печать вечерние выпуски. Что шестого числа он пошел искать, где ему умереть.

Сики злобно посмотрел на Иё.

– Неужели вы просите, чтобы я заставил его говорить то, что нужно?

– Что ты имеешь в виду?

«Именно это я и имел в виду! Нет ничего более постыдного для следователя, чем выбивать показания из подозреваемого в соответствии со своим сценарием».

– Заставить его врать.

– Неважно, лишь бы заговорил!

– Показания, полученные под давлением, не могут считаться достаточным доказательством. Если это станет известно, потом, на суде, могут быть неприятности.

– А, ты боишься, что твоя голова полетит? Вряд ли возможно такое, что Кадзи потом изменит показания. Этот парень, наверное, считает себя сильно виноватым...

– Да.

– В таком случае скажи ему, чтобы дал такие показания! Раз он готов просить прощения, то ему все равно, что говорить. По твоей милости две тысячи триста полицейских вне себя от ярости. Поэтому делай так, как я говорю!

– Но...

– Не забудь, – лицо Иё безобразно искривилось, – если твоя голова и полетит, то не тогда, когда возникнут проблемы на суде.

Голова ходила ходуном. Сики потерял дар речи.

Он вышел из приемной и позвонил на служебную квартиру главе уголовного департамента. Ивамура тут же ответил. Сики объяснил ему ситуацию. Тот ответил не сразу.

– Считай, что это ради Кадзи. Иногда может быть две правды.

Все чувства Сики погрузились во тьму. Он повесил трубку и крикнул:

– Курита!

– Да.

– Вызови Ямадзаки!

6.45. Допросная комната № 3.

Может быть, тревожность, исходившая от Сики, распространялась на все вокруг, но выражение лица Кадзи тоже было немного более строгим.

Сики не стал садиться.

– Извините, что вызвал вас рано утром. Считайте, что это продолжение вчерашнего дневного допроса.

– ...

– Инспектор Кадзи, где вы были и что делали пятого и шестого декабря?

– ...Я не могу рассказать.

– Утром шестого числа вы были на платформе синкансэна на станции К. Это правда?

Кадзи побледнел.

– Куда вы поехали на синкансэне?

– Я не могу сказать...

Значит, действительно ездил.

– Полицейское управление сейчас в тяжелой ситуации.

– Я очень виноват...

– О том, что вы были на станции К., написано в сегодняшней утренней газете.

– Как!..

– Поэтому я и спрашиваю. Что вы собирались делать

утром шестого числа?

Кадзи заморгал. Похоже было, что он не мог оценить истинный смысл вопроса Сики.

Заставить его рассказать не составит труда. Но, хотя Сики и считал так, в нем росло беспокойство. Вчера Кадзи дал ложные показания. А Сики развеял его сомнения, заявив, что не нужно волноваться. Кадзи, несомненно, прямодушно воспринял эти слова.

«Может быть, я смогу заставить его говорить без принуждения?»

Это было последнее оружие Сики. Но сейчас, когда ситуация зашла в тупик, дать понять Кадзи, что он в мягкой форме хочет передать ему свои намерения, представляется еще более подлым средством, нежели принудить его дать нужные показания.

Нет, не так. Неважно, какие средства он использует. Главное – он исполняет свои служебные обязанности.

Почему он должен жертвовать своим положением в полиции, к которому так долго шел, ради сидящего перед ним человека, с которым у него нет ничего общего?

Сики опустил на стул.

– Инспектор Кадзи, вы были одержимы желанием умереть.

Ему казалось, что это не его голос.

– Даже после неудавшейся попытки самоубийства вы постоянно думали о смерти.

Кадзи выглядел так, будто нашел то, что искал.

Ямадзаки отложил ручку и посмотрел на Сики. «Пожалуйста, остановитесь», – словно загремел в ушах старшего инспектора его беззвучный голос.

Сики продолжил:

– Шестого декабря, в поисках места, где умереть, вы бродили по улицам в пределах префектуры. Верно?

Губы Кадзи медленно задвигались.

– Да... Это так.

Всё. Одной истории больше нет.

В голове возникла картинка летнего дня. Разрушенный сарай для хранения сельскохозяйственного инвентаря. Отец сказал: «Ты же мужчина. Будь поласковее с матерью». Под обломками валялись книги. Разорванные. Покрытые грязью. Отец схватил их руками в рабочих перчатках и швырнул в огонь, в железную бочку...

Послышалось жужжание мухи.

Нет... Это звук ручки... Курита ведет протокол.

Сики дрожал мелкой дрожью. Он попытался встать, но пошатнулся. Сдавило грудь. Ему хотелось разорвать пиджак, рубашку и разодрать ногтями грудь.

– Прекрати... – Это его голос. – Прекрати!

Сики подлетел к столу помощника и схватил бумагу, лежавшую перед Куритой. Стал рвать ее. Еще, еще, еще, еще и еще... Показания Кадзи крохотными клочками рассеялись по полу.

Курита снова занял оборонительную позицию маленькой черепашки. Ямадзаки смотрел в потолок, чуть прикрыв глаза. В комнате раздавалось лишь тяжелое дыхание Сики.

Распахнулась дверь, и в помещение влетел Иё. На скалах его ходили желваки. Он находился в соседней допросной комнате № 4 и с помощью «волшебного зеркала»¹⁸ наблюдал за происходящим.

– Ты уволен! Ты больше не занимаешься расследованием! Убирайся!

– Это моя комната! Сам убирайся! – невольно закричал в ответ Сики.

– Что ты сказал?.. Ну давай, повтори. Если скажешь еще раз, я пойму.

Сики не мог остановиться. Его уже нельзя было остановить.

– Да сколько угодно...

Это произошло, когда он начал говорить.

– Сики-сан! – закричал Кадзи. – Сики-сан, пожалуйста, прекратите! – Чуть не упав со стула, он склонился в поклоне, положив руки на пол. – Прошу вас! Пожалуйста, прекратите. Я скажу все, что произошло на самом деле. Я расскажу правду. Поэтому, прошу вас, не надо больше...

Глаза всех присутствующих устремились на Кадзи – Сики,

¹⁸ «Волшебное зеркало», полупрозрачное зеркало или зеркало Гезелла – стекло, выглядящее как зеркало с одной стороны и как затемненное стекло – с противоположной. Используется в переговорных комнатах, а также в комнатах служб безопасности. Иногда его называют «зеркало-шпион».

Иё, Ямадзаки, Куриты. И только что вошедший в комнату Сасаока тоже уставился на Кадзи.

Тот закрыл глаза. На пол упала его слеза.

– Шестого декабря я действительно был на платформе синкансэнэна. Но никуда не поехал. Весь день я бродил и искал, где мне умереть. Я был в парках, универмагах, ходил на реку... Я искал место, где смогу умереть.

Сики широко раскрыл глаза.

– Кадзи-сан, вы...

– Это правда! – Кадзи коснулся лбом пола. – Это правда! Пожалуйста, поверьте мне, Сики-сан. Так и было! Так и было...

Кадзи замолчал, и допросная комната № 3 погрузилась в тишину.

Он «полностью признался».

История закончилась. Книга закрыта.

Утреннее солнце было ослепительным.

Когда Сики, спустившись по внешней лестнице, вышел на парковку, находившуюся за зданием, из служебного автомобиля выскочил Цутикура. Назначенный водитель слег с простудой, поэтому и сегодня старший следователь воспользовался услугами Цутикуры.

– Начальник группы Камата просил срочно позвонить!

Сики на ходу набрал номер мобильного телефона Каматы. Тут же его громкий голос ударил в барабанную перепонку:

– Такано ударился об оконное стекло! Ужасное кровотечение!

– Что?..

Он вернулся к действительности. В опустевшую голову сразу вернулись осознание себя начальником и чувство служебного долга.

Сики сел на заднее сиденье.

– Трогай! Больница Кумано.

– Что? Но...

– Здесь уже всё. Меня освободили от расследования... Трогай!

Машина резко подалась с места.

Вдруг Сики увидел проходящего через галерею, соединяющую два здания, Кадзи, которого вел на веревке конвоир.

– Останови!

Сики выпрыгнул из машины и пристально взгляделся в профиль идущего вдаль Кадзи. Будто почувствовав это, тот внезапно повернул голову.

Сики поклонился.

Кадзи в ответ низко склонил голову.

У Сики защемило сердце. Удалявшаяся фигура напомнила ему маленький чемодан, уезжающий по багажной ленте.

Человеку суждено жить под небом лишь полвека...

Он не смог отгадать загадку.

Ощущение поражения. Нет, определенно совсем другие, сложные чувства образовывали водоворот в его душе.

Еще только год. Так сказал Кадзи. Умереть в пятьдесят лет. Он выбрал жизнь, определив ее срок...

Когда фигура Кадзи исчезла из вида, Сики повернулся. Ему казалось, что сам он тоже помещен на багажную ленту, двигающуюся в противоположном направлении.

Когда старший следователь опять сел в машину, в зеркало заднего вида на него смотрели глаза, в которых застыли несколько вопросов.

– Он спас меня.

– Да?..

– Тот самый инструктор Кадзи, которого ты знаешь.

– Да.

Автомобиль выехал из задних ворот.

По радиосвязи громко передавалась срочная информация

о грабеже в мини-маркете.

– Срочно! Срочно! Объявляется план-перехват! Сообщаю приметы подозреваемого! Рост сто семьдесят – сто семьдесят пять сантиметров. Одет в куртку черного цвета. Возраст...

Сики взял микрофон.

– Первая группа на задании. Отправляю вторую и третью группы.

Чувствуя, что расстояние, отделяющее его от Кадзи, еще на шаг увеличилось, он продолжал отдавать указания.

Сасэ Морио

1

8 декабря, 10.30 утра. Главное управление прокуратуры префектуры, третий этаж, кабинет прокурора Сасэ...

– Господин прокурор, ну что, звать его?

– Нет... Пока нет, – ответил Сасэ Морио, не поднимая головы.

Он пробежал глазами содержание десяти переплетенных листов линованной бумаги, в каждом из которых было 28 строчек. Периодически останавливался на чем-то свой взгляд и делал пометки. Внимательно рассмотревшись в фотографию, приложенную к документу, опять вернулся к тексту. Постепенно взгляд его становился все более острым.

– Но, господин прокурор... – Сидящий за находящимся сбоку Г-образным столом помощник прокурора Судзуки, нахмурившись, подался вперед. – Уже час, как доставили подозреваемого. Это нормально?

– Ничего страшного. Они задержали его на целых три часа.

Центральное управление долго продержало доставленного под конвоем подозреваемого во временном изоляторе. Речь идет не о простом задержанном. Это Кадзи Соитиро.

49 лет. Со вчерашнего дня вступило в силу распоряжение об отстранении его от исполняемых обязанностей, но на момент совершения преступления он являлся инспектором полиции и занимал должность заместителя начальника учебного отдела главного полицейского управления префектуры. Подозревается в убийстве по просьбе потерпевшего. Задыхался от страданий от болезни Альцгеймера жену, которая рыдала и умоляла его дать ей умереть.

Сасэ проверял протокол признательных показаний Кадзи, доставленный раньше, чем сам задержанный. Этот протокол был составлен на основе допроса Кадзи одним из его коллег по полицейскому управлению. По мере того как Сасэ читал, он чувствовал, как сомнения внутри его перерастают в уверенность.

Соккрытие... Сотрудники полиции префектуры дружно пытаются утаить правду об этом происшествии.

Сасэ почувствовал боль в глубине глазных яблок. Признак гнева. Это обычно начинается с глаз.

Кадзи убил Кэйко вечером четыре дня назад. 4 декабря. Это был день памяти их единственного сына, умершего семь лет назад от острого лейкоза костного мозга. Вдвоем с женой они сходили на могилу, но вечером Кэйко забеспокоилась: кричала, что они не ходят к сыну. Болезнь Альцгеймера прогрессировала до такой степени, что частично затронула память. Кэйко впала в полубезумное состояние. Кричала, что хочет умереть, пока еще помнит сына. Пока она еще ощуща-

ет себя матерью. Прикладывала руки Кадзи к своей шее и умоляла. И он выполнил ее просьбу. Пожалев Кэйко, задумал ее...

До этого момента все шло гладко. Что же касается самого факта преступления, то здесь никаких сомнений нет. Протокол тоже написан очень подробно и, будучи составлен в строгом соответствии с правдивыми показаниями, несомненно, очень убедителен.

Проблема была в том, что происходило «после» происшествия.

Убив Кэйко вечером 4 декабря, Кадзи через три дня, утром 7 декабря, то есть вчера, явился с повинной в центральное полицейское управление. 5 и 6 декабря. Эти два дня вызывают сомнение. Согласно протоколу, 5-го он был в состоянии рассеянности и порывался повеситься. 6-го бродил по окрестностям в поисках места, чтобы умереть. Но Сасэ не верил в это. В особенности он был уверен в том, что показания Кадзи о событиях 6 декабря – не что иное, как «сочинение», сфабрикованное полицией.

Вчера все издания, после изложения деталей произошедшего, окончили свои вечерние выпуски следующим: «Поскольку обстоятельства того, что происходило в течение двух дней после убийства Кэйко, и до его явки с повинной, остаются невыясненными, полиция продолжает активно допрашивать задержанного Кадзи».

Другими словами, к моменту окончания срока подачи

материалов для публикации в вечерних выпусках полиция еще не располагала показаниями Кадзи, касающимися «двух дней неизвестности». И это странно. Убийство собственной жены инспектором полиции... Нетрудно предположить, что его руководство было чрезвычайно озабочено тем, как сложившаяся ситуация будет представлена в СМИ. Но, несмотря на это, у них не был готов ответ на вопрос, который, как можно было догадаться, будет интересовать журналистов больше всего: о действиях Кадзи в течение двух этих дней. Короче говоря, получается, что тот во время допроса давал подробные показания о том, что касалось самого происшествия, а о том, что произошло в следующие два дня, ничего не рассказал. Как ни крути, ситуация необъяснимая. Бродил, чтобы найти место, где умереть... Если предположить, что это правда, то почему им не удалось получить эти показания у Кадзи сразу после ареста?

Эта странная ситуация, не поддающаяся логическому объяснению, не изменилась и вчера вечером, после того, как прошло уже полдня с момента ареста Кадзи. Впервые узнав о «двух днях неизвестности» из вечерних газет, Сасэ, желая узнать, как обстоят дела с расследованием, позвонил в полицейское управление. Трубку взял Сики Кадзумаса, старший следователь по особо важным делам первого отдела расследований. Честный малый, профессионал своего дела из департамента уголовных дел полицейского управления префектуры, заслуги которого признает даже местная прокура-

тура. Судя по тому, как говорил следователь, было очевидно, что он проводит допрос. Относительно действий Кадзи 6 декабря Сики сказал, что «подчиненный сейчас выясняет это». К моменту, когда вечерние газеты сообщили о «двух днях неизвестности», в показаниях Кадзи не было и намека на то, что он искал место, где умереть.

И вот наступило утро сегодняшнего дня. Местная газета «Кэнмин таймс» в самом верху раздела местных новостей поместила сенсационную новость. Утром того самого 6 декабря Кадзи видели на станции К., на платформе синкансэна, идущего в сторону Токио. Потрясающая сенсация. Если то, что говорится в статье, правда, получается, что Кадзи, оставив тело Кэйко дома, собрался ехать в направлении столицы.

Сасэ мог себе представить, какая шумиха поднялась в руководстве полицейского управления. В то же время это заставило его задуматься о том, что существует опасность подделки показаний Кадзи в соответствии с намерением полиции. Прочитав дома «Таймс», он сразу же позвонил в центральное управление и приказал срочно доставить задержанного Кадзи в прокуратуру. При этом принял меры, чтобы предотвратить возможное противодействие полиции. Однако Кадзи был доставлен только в 9.30 утра, то есть через почти три часа после того, как Сасэ отдал распоряжение. В течение этого времени прокурор несколько раз звонил в управление, но каждый раз трубку брали разные люди, и под все-

возможными правдоподобными предложениями – «он ест», «его повторно фотографируют» и тому подобное – Кадзи продолжали удерживать.

Можно не сомневаться, что именно в это время осуществлялась либо подделка показаний Кадзи, либо его принуждали дать ложные показания. В конце доставленного прямо перед прибытием самого Кадзи протокола показаний было добавлено «признание» с включенной сенсационной новостью из «Таймс».

Написано было следующее.

«6 декабря примерно в 6 часов утра я вышел из дома, сел в машину и поехал на станцию К. Собирался искать место, где умереть. На станции я купил билет в северном направлении и дошел до платформы синкансэна, но вдруг понял, что мне невыносимо покинуть место, где я родился, оставив Кэйко, поэтому, не сев в синкансэн, я пошел в город. Бесцельно бродил, заходя в универмаги, детские парки, выходил к высохшему руслу реки. Все-таки я не смог решиться умереть. Точно не помню, где и как я ходил. Неожиданно обнаружил, что вернулся домой. Подумав, что ничего не остается, как явиться с повинной, на следующее утро я пришел в полицейское управление».

«Они что, за идиота меня держат?»

Сасэ воткнул ручку в протокол показаний. Жгучая боль перешла из глубины глазных яблок в область лба. Ему 43 года. Полтора года прошло с тех пор, как он был направлен

сюда из отдела особых расследований Токийской прокуратуры. В местной прокуратуре он выполнял функции государственного обвинителя, занимая пост следом за заместителем прокурора. И вот полиция, вопреки его приказаниям, задержала доставку подозреваемого, да еще подсунула ему подделанный протокол показаний...

Это означает только то, что полицейские делают все возможное для защиты собственных интересов. Под протоколом стояла подпись не Сики, а Тацуми Ютака, следователя по межрегиональным делам из первого отдела расследований. Сасэ слышал, что эта должность была сомнительной. Ее занимали и коренные выходцы из департамента уголовных дел, но часто бывали случаи, когда с целью осуществления контроля над служебными функциями департамента эту должность, в обмен на обещания будущих перспектив, занимали представители административного департамента и верхушка подразделения охраны. Тацуми, скорее всего, отнесся ко второй категории. «Я курсирую между администрацией и охраной» – Сасэ когда-то слышал эту шутку от него самого.

Как бы то ни было, но в полицейском управлении произошла рокировка дознавателей. Убрав Сики, аса из департамента уголовных дел, они заменили его на стоящего одной ногой в административном департаменте Тацуми. Это как раз в полной степени свидетельствует о панике и критической ситуации в управлении и является проявлением ре-

пительной позиции руководства, которое для защиты собственных интересов одобрило подделку показаний Кадзи.

– Господин прокурор!

В раздавшемся в кабинете голосе Судзуки чувствовалось нервное напряжение. Ему было 32 года. К работе относится серьезно, но нервы у него еще слабее, чем голос.

– В чем дело?

– Вы, похоже, будете ругаться с полицией...

Понятно, почему Судзуки беспокоится.

За исключением отделов особых расследований больших городов, прокуратура редко проводит свое личное расследование. Полиция, обладающая правом «первого слова», единолично берет на себя многочисленные дела, а неизменной функцией прокуратуры является «съедение» огромного количества переданных ей полицией подозреваемых, «пережевывание» их и передача «на скармливание» в суд. Ссоры с полицией неизбежно ведут к задержке в ведении дел, и становится довольно сложно выполнять повседневную работу. В регионах эта тенденция особенно сильна. По мере возможности лучше не доводить до разногласий с полицией. Прокуратуре как вышестоящему органу расследования желательно, сохраняя лицо, поддерживать с ней отношения мягкого сотрудничества. Это является истинным желанием всех работающих в регионах сотрудников прокуратуры.

Именно поэтому все это непростительно. Как полицейское управление, зная об этом истинном желании, могло

недооценить ее и подсунуть очевидно подделанные показания?

«Не может такого быть, чтобы они заставили меня проглотить такую тухлую приманку!»

Сасэ сильно нажал пальцами на лоб. Колющая боль распространилась по всей голове.

– Зови!

Он верил, что в одном этом слове отражена вся сущность прокуратуры. Кем бы ни был его визави, что бы ни стояло за ним, – раз уж вызвал его, нельзя допустить свое поражение. Глядя вслед вышедшему из кабинета Судзуки, Сасэ почувствовал, как внутри закипает кровь, что не случилось с ним уже довольно давно.

2

Через несколько минут вслед за секретарем Судзуки в кабинет вошел Кадзи Соитиро. В наручниках, с веревкой на поясе. Его сопровождали два конвоира.

Сасэ знал всех конвоиров центрального управления. Он пристально посмотрел на мужчину справа. 30–35 лет. Рубашка и блестящие щеки напомнили прокурору куклу-марионетку из мультфильма «Буревестник», который когда-то шел по телевизору. Но он не припоминал этого человека.

– Ты откуда? Как зовут?

Под острым взглядом Сасэ по кукольному лицу пробежало напряжение.

– Курита. Департамент полиции главного управления.

– Какое подразделение? Содержания под стражей?

– Нет... Подразделение управления персоналом.

– В таком случае прошу покинуть помещение. Ты не должен здесь присутствовать.

Ему с самого начала было понятно, что обязанность этого парня – следить за Кадзи. Когда-то это было очень распространенной практикой. Ответственный за допрос следователь сидел за спиной подозреваемого и оказывал на него молчаливое давление, следя за тем, чтобы его показания прокурору не отличались от тех, которые тот давал в полиции.

Этот человек по имени Курита – из административного отдела. Следователя, который вел дело Кадзи, тоже поменяли на Тацуми Ютаку, близкого к административному департаменту. Если есть уже два таких совпадения, то сомнений быть не может. Махинации по подделке показаний – дело рук не департамента уголовных дел, а инициатива административного департамента.

– В чем дело? Быстро покинь кабинет!

– Но...

Наверное, получил указания свыше.

– Это мое решение. Так и передай начальству. В восьмидесятом году на совещании по законодательству руководство полицейского управления ясно высказалось о разделении обязанностей конвоя.

Очень неохотно Курита удалился. Сасэ показалось, что, уходя, он обменялся многозначительными взглядами с молодым конвоиром. Наверное, это означало просьбу.

Сасэ опять посмотрел на Кадзи. Тот сидел прямо перед ним на складном стуле. Среднего телосложения, среднего роста. Светлая кожа. Доброе лицо. Производит впечатление ясный глубокий взгляд.

Еще несколько дней назад он был уважаемым представителем руководства полицейского управления префектуры. Стаж больше, чем у Сасэ. Однако у подозреваемого не может быть звания.

– Начинаем допрос, – властным голосом объявил Сасэ. –

Имя?

– Кадзи Соитиро.

– Дата рождения?

– Двадцать третье марта тысяча девятьсот пятьдесят второго года.

Негромкий голос соответствовал внешности.

Согласно протоколу, он родился на севере префектуры, в заброшенной деревне. После окончания старшей школы в городке, расположенном недалеко от родных мест, получил назначение полицейским в полицейское управление префектуры. 31 год службы. В течение длительного времени преподавал в школе полиции. Мастер каллиграфии, участвует в выставках на уровне префектуры. Сейчас ему 49 лет. Родители умерли. Был старший брат, но три года назад умер от рака легких. Единственный сын скончался от болезни семь лет назад. Четыре дня назад убил жену Кэйко...

У Сасэ невольно вырвался тяжелый вздох.

– Родственники есть?

– В городе живет старшая сестра жены.

– И всё?

– Да...

– Ты признаёшь, что убил свою жену?

– Да.

– Как ты ее убил?

– Двумя руками... задушил...

В экспертном заключении осмотра трупа в графе «причи-

на смерти» написано «смерть от асфиксии в результате удушения». Протокол показаний и приложенное фото не противоречат друг другу.

– Почему ты убил ее?

Сасэ показалось, что Кадзи съежился.

– Ты же убил единственного близкого человека, и теперь у тебя никого не осталось.

– Из жалости... У нее происходил распад личности...

Распад. У него сжало грудь.

Но какой бы ни была причина, сидящий перед ним мужчина лишил другого человека жизни. Надо убедиться, что он раскаивается.

– Распадающийся человек все равно остается человеком. По всей Японии огромное количество семей ухаживает и за больными с Альцгеймером, и за прикованными к постели. И все они изо всех сил заботятся о них.

– Я очень виноват... Об этом я не думал... – ответив хриплым голосом, Кадзи опустил глаза.

Сасэ был поражен.

Он плакал?..

Прокурор заметил, что веки Кадзи слегка покраснели. Но это случилось не сейчас. Если присмотреться внимательнее, веки были не только красные, но и опухшие.

Он плакал до того, как пришел сюда. Где же? Очевидно, в допросной комнате центрального управления. В голове Сасэ отчетливо всплыла фигура Кадзи, которого заставляют дать

ложные показания. «Я ходил и искал, где мне умереть...» Расчетливые, лживые показания, которые навязали Кадзи, с тем чтобы убедить всех.

Боль в голове исчезла... Нет, в глубине глазных яблок зародилась новая колющая боль; она перешла в область середины лба и вскоре опять распространилась по всей голове.

И вызвана она была, несомненно, тем, что за спиной Кадзи он четко увидел соперника, с которым нужно сражаться.

Конвойный бросил взгляд на свои часы. Думает, что все вот-вот закончится... Допрос у прокурора в момент, когда задержанный доставлен из полиции, называют «дебютом». Просматривая протокол, переданный из полиции, прокурор задает несколько дополнительных вопросов подозреваемому, после чего составляется простой протокол. Затем принимается решение о том, будет ли прокурор обращаться в суд с требованием заключения под стражу или нет, и на этом все заканчивается. Как правило, основной допрос проходит уже потом.

Сегодня единственная возможность.

Сасэ принял решение.

Если сейчас упустить ее, неизвестно, когда в следующий раз он сможет допрашивать Кадзи. Задержанный обычно содержится в полицейском изоляторе. Если даже попробовать вызвать его, в полицейском управлении, как и сегодня, несомненно, будут придумывать разные причины, только чтобы удержать Кадзи у себя. Так у них будет достаточно време-

ни, чтобы довести протокол с описанием «двух дней неизвестности» до совершенства и после этого предъявить Сасэ. «Молчи и ешь».

И тогда уже ничего нельзя будет сделать. Они могут совсем не считаться с его чувствами, но Кадзи – сотрудник полицейского управления, поэтому вряд ли возможно, что он переметнется к ним и даст показания, которые будут невыгодны его организации.

Однако если сделать это сейчас...

Протокол, лежавший перед ним, был составлен наспех, поэтому в нем осталось полно пробелов. Независимо от желания Кадзи, посредством вопросов и ответов, возможно, получится найти способ раскрыть махинации полиции с подделкой признания.

Сасэ уже строил в голове порядок допроса.

– С твоего позволения хочу спросить о том, что было после того, как все произошло.

Судзуки, делавший пометки за соседним столом, замер и украдкой взглянул на конвойного. Было заметно, как тот изменился в лице – в мгновение ока покраснел и тут же сглотнул слюну.

Ну что ж. Будь готов услышать правду.

Сасэ сверкнул глазами в сторону конвойного и опять перевел взгляд на Кадзи.

– Согласно протоколу, на станции К. ты купил билет в северном направлении. Это правда?

– Да.

– Куда ты купил билет?

– Этого... – глаза Кадзи забегали, – я не помню.

– У тебя есть какое-то памятное место на севере?

– Особо нет...

– Разве ты не собирался поехать на юг? В сторону Токио?

– ...

– Ты стоял на платформе синкансэна в направлении Токио. Такие показания дал свидетель.

– Я не помню...

Сасэ тут же пошел в наступление.

– В какой универмаг ты заходил?

– Что?

– Название универмага. Ты же заходил туда?

– А, ну да... Универмаг «Санмару» около станции.

– И что ты там делал?

– Поднимался на крышу.

– Какая игровая площадка там была?

– Что?

– Какая игровая площадка была на крыше?

– ... Не помню.

– Где был детский парк?

– Несколько... Я ходил в разные парки.

– Что была за река, к которой ты ходил?

– Касумигава...

– Уровень воды?

– По-моему, небольшой. Но точно не помню...

– Какая была погода?

– Было ясно... по-моему.

Сасэ сделал паузу. Убедившись, что Судзуки успевает записывать, он ударил в самое больное место.

– Ты бродил и не заметил, как вернулся домой. Так?

– Да.

– А что было с машиной?

– С машиной?..

– Ты же поехал на станцию К. на машине? Я спрашиваю, что ты сделал с машиной?

У Кадзи был измученный вид. Губы его слегка дрожали.

– На машине... я вернулся домой.

– То есть после того, как ты побродил по городу, вернулся на станцию К.?

– Да...

– Какое удивительное самообладание!

Сказав это, Сасэ слегка скрестил руки на груди.

«Бескорыстное лицо»... Побледневшее лицо Кадзи было именно таким. Во время службы в отделе особых расследований Сасэ ненавидел такие. Это сильнее, чем лицо человека, защищающего себя. Это лицо человека, готового даже отказаться от себя ради того, чтобы попытаться защитить что-то важное. Лицо человека, твердо поклявшегося себе, что он будет прикрывать кого-то...

На лицо Кадзи внезапно наложилось женское лицо.

«Господин прокурор, ради кого вы живете?»

Токийская прокуратура, отдел особых расследований. Кабинет прокурора Сасэ. Длинные черные волосы. Трепещущие веки. Дрожащий голос...

Сасэ стряхнул морок.

– В котором часу начался сегодняшний допрос?

– ...Я не смотрел на часы.

– Сегодня утром ты рассказывал о том, что делал шестого декабря, так?

– Да...

– А почему вчера молчал?

– ...

Значит, все-таки молчал.

Сасэ теперь был уверен. События 6 декабря Кадзи держал в тайне даже от своих, от полиции.

Прокурор пристально посмотрел ему в глаза.

– «Бродил, чтобы найти место, где умереть»... Это действительно твои слова?

– Да.

– Может быть, тебя заставили так сказать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.